

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ АФАНАСЬЕВ И АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ

Наталья Шайтош

В историю науки Александр Николаевич Афанасьев вошел прежде всего как теоретик фольклора и издатель памятников народного поэтического творчества, хотя он много занимался и вопросами истории, а также и истории литературы. Его имя, по словам А.Н. Пыпина, «принадлежит к числу наиболее симпатичных имен в истории русской науки, посвященной исследованию русской народности и старины».¹ Свою научную деятельность ученый начинал как историк – в конце 40-х – начале 50-х годов он публикует в «Современнике» и «Отечественных записках» ряд исторических сочинений в духе историко-юридической школы, с виднейшими представителями которой – К.Д. Кавелиным и С.М. Соловьевым – он хорошо был знаком еще по московскому университету. Из историко-литературных работ А.Н. Афанасьева, с которыми он начал выступать со второй половины 50-х годов, наибольшее значение имеют статьи о русских сатирических журналах XVIII века, о Н.И. Новикове, Д.И. Фонвизине и другие, а в 1859–1860 годах А.Н. Афанасьев создал журнал «Библиографические записки».

Ранние публикации А.Н. Афанасьева можно разделить на несколько тематических групп, которые впоследствии в переработанном виде были включены ученым в его монументальный труд «Поэтические воззрения славян на природу».

К одной такой группе можно отнести работы, посвященные фольклору и народным верованиям. Это такие, как рецензия на книгу Д.О. Шеппинга «Мифы славянского язычества» (1850), статьи «Дедушка домовая» (1850), «Ведун и ведьма» (1851), «Религиозно-языческое значение избы славян» (1851), рецензии на сборник А. Сементовского «Малорусские и галицкие загадки» (1851) и на первый том «Истории России с древних времен» С.М. Соловьева (1852) и другие. Также к этим работам можно добавить и статьи, в которых большое внимание уделялось проблемам взаимовлияния языка и народных верова-

¹ Пыпин, А.Н., *История русской этнографии*. СПб., 1891, т. 2., 110.

ний: «Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями» (1853) и «Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла орудия и желчи» (1854).

В другую группу входят работы историко-этнографического характера, такие как «Дополнения и прибавления к собранию „Русских народных пословиц и притчей“, изданному И. Снегиревым» (1850) и «Колдовство на Руси в старину» (1851). Эти работы еще не выходят за пределы проблематики историко-юридической школы: значение русских пословиц и поговорок А.Н. Афанасьев видит прежде всего в том, что они дают богатейший материал для построения истории родового быта, но в последующих работах ученого довольно отчетливо выступают и основные положения мифологической школы, разработке которых он посвятил всю свою жизнь.

Важным этапом в формировании взглядов А.Н. Афанасьева-мифолога является его работа над сборником «Народные русские сказки».² В обширных комментариях к каждому сказочному тексту ученый стремился раскрыть мифологическое содержание сказок, возводя их к предполагаемым доисторическим религиозным представлениям.

Комментарии к сборнику «Народные русские сказки» вместе с ранними фольклорно-этнографическими работами А.Н. Афанасьева явились основой его капитального трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славян-

² Первое издание «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева выходило отдельными выпусками с 1855 по 1863 г. (всего вышло восемь выпусков; первый и второй выпуски выдержали три издания, третий и четвертый – два). В приложении к первому, второму и восьмому выпускам были даны примечания с публикацией сказок из малодоступных изданий и их вариантов. Второе издание сборника, подготовленное А.Н. Афанасьевым вышло уже после его смерти в 1873 г. в четырех томах; третье – в 1897 г. в двух томах под редакцией А.Е. Грузинского; четвертое – в 1913–1914 гг. в пяти томах под редакцией А.Е. Грузинского; пятое – в 1936–1940 гг. в пяти томах под редакцией М.К. Азадовского, Н.П. Андреева и Ю.М. Соколова; шестое – в 1957 г. в трех томах под редакцией В.Я. Проппа. В 1859 г. А.Н. Афанасьев выпустил сборник «Народные русские легенды» (изд. 2-е, Казань, 1914). Позднее, без указания года и фамилии составителя, в Женеве был издан еще один сборник А.Н. Афанасьева – «Русские заветные сказки» (первоначально озаглавленный составителем «Народные русские сказки не для печати»), куда вошли широко распространенные антипоповские сказки. Сборник «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева сразу же приобрел европейскую известность.

ских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (1865–1869), в котором мифологические концепции ученого получили свое законченное выражение.

Прежде всего А.Н. Афанасьев ставит проблему происхождения мифа и методов его изучения. Возникновение мифов он теснейшим образом связывает с историческим развитием языка. Вот что мы читаем уже на первых страницах его книги: «Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями. Чтобы показать, как необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка».³

В истории же любого языка, говорит А.Н. Афанасьев, различаются два периода: период образования, постепенного сложения (развития форм) и период упадка и расчленения (превращений).

В своем историческом развитии мифы подвергались значительной переработке. Этот процесс представляется ученым в следующем виде. Сначала идет раздробление мифических сказаний, вызванное географическими и бытовыми условиями. Следующий момент – сошествие мифов на землю и прикрепление их к известной местности и к историческим событиям. С утратой настоящего значения метафорического языка старинные мифы стали пониматься буквально, и А.Н. Афанасьев об этом пишет так: «боги мало-помалу унизились до человеческих нужд, забот и увлечений и с высоты воздушных пространств стали назводиться на землю, на это широкое поприще народных подвигов и занятий».⁴

Последний этап в историческом развитии мифов – их нравственное мотивирование. С возникновением государственных центров происходит канонизация преданий, причем уже не в народной сфере, а в кругу избранных жрецов, ученых и поэтов, которые приводят предания в хронологическую последовательность и связывают их в стройное учение о происхождении мира, его кончине и судьбах богов.

³ Афанасьев, А.Н., *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. М., 1865–1869, т. I., 5. (Далее цитаты подаются из этого источника.)

⁴ Там же, 13.

Таковы, по А.Н. Афанасьеву, процессы образования мифов и метод их научного изучения. В своих основных чертах они были разработаны ученым уже в его первых фольклорно-этнографических статьях и заметках.

Нетрудно заметить в построениях ученого известное сходство с концепцией основоположника русской мифологической школы Ф.И. Буслаева. Да это и понятно: А.Н. Афанасьев ведь и выступил как ученик Ф.И. Буслаева, но он впервые в русской науке поставил вопрос о происхождении древних мифических представлений в тесной связи с историческим развитием языка и мышления, создав стройную теорию происхождения мифологии. Важно отметить, что основные положения этой теории были сформулированы ученым самостоятельно, задолго до появления аналогических теорий в западноевропейской науке. Далее он выдвинул проблему сущности мифов и их исторического развития и привлек для доказательства своих положений такой громадный фактический материал, что его книга сразу же стала значительным явлением не только в русской, но и в мировой науке.

Ко времени, когда Александр Афанасьевич Потебня обратился к проблемам народного творчества и мифологии, Александр Николаевич Афанасьев был уже известным исследователем и публикатором фольклора.

В своих разысканиях по фольклору и мифологии ученый множество раз ссылался на работы А.Н. Афанасьева и неоднократно вступал с ним в полемику по различным вопросам. В ходе этой полемики А.А. Потебня сформулировал важные идеи о связи языка и мифологии, о происхождении и сущности метафоры, о соотношении поэтического и познавательного начал в мифологическом творчестве, о природе языческого заговора и его отличиях от молитвы.

Во время пребывания за границей в 1863 г. А.А. Потебня пишет книгу «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий». Отосланная в Москву еще в 1863 г., она была опубликована лишь спустя два года во 2, 3 и 4 книгах «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Исследование включало три части: «Рождественские обряды», «Баба-Яга» и «Змей. Волк. Ведьма». По первоначальному замыслу книга должна была начинаться главой о языческих богах (на основе «Слова о полку Иго-

реве» и других письменных источников), однако А.А. Потебня отказался от ее публикации, и она увидела свет лишь недавно, в 1989 году.

В исследовании отразились занятия А.А. Потебни санскритом, штудирование исследований по индоевропейской и германской мифологии Я. Гримма, А. Куна и В. Маннгардта, изучение сборников чешской и словацкой народной поэзии. В отличие от книги «О некоторых символах», в значительной степени основанной на материале славянских песен, здесь автор опирается главным образом на записи обрядов и поверий и на русские сказки.

В книге имеется множество интересных наблюдений и гипотез, которые позднее получили разработку в науке о фольклоре и славянской мифологии.

Но если в первой книге А.А. Потебни речь идет о символах в языке и народной поэзии, а во второй – теоретический характер, то в третьей – Александр Потебня пишет о мифологических предположениях. Книга А.А. Потебни во многом разделяла недостатки тех исследований по мифологии, которые представлялись тогда последним словом науки. Вслед за ранним В. Маннгардтом А.А. Потебня непременно желает видеть языческих богов за любыми персонажами фольклорных произведений или христианского предания, а в этих языческих богах – воплощение природных явлений.

По своему методу книга А.А. Потебни весьма близка А.Н. Афанасьеву. Хотя в этой своей книге он и выдвигал некоторые возражения А.Н. Афанасьеву, однако в целом разделял его мифологическую теорию и следовал тем же приемам сведения фольклорных образов.

Если говорить о «мифологической школе» в России, то к ней следует отнести прежде всего «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева (особенно первый том) и «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» А.А. Потебни. Но эта работа А.А. Потебни не стала его удачей. Резко отрицательную оценку дал книге П.А. Лавровский, который опубликовал ее обстоятельный разбор. Книга была написана в качестве докторской диссертации, однако после рецензии П.А. Лавровского ученый совет Историко-филологического факультета Харьковского университета дал о ней негативный отзыв и диссертация была отклонена. Вторично А.А. Потебня защищал докторскую диссертацию лишь в 1874 году, в качестве текста он пред-

ставил на этот раз 1-й том своего знаменитого труда «Из записок по русской грамматике».

Напомним, что Петр Алексеевич Лавровский и его брат Николай Алексеевич Лавровский были университетскими преподавателями А.А. Потебни и оказали влияние на формирование его научных взглядов. Потому рецензия П.А. Лавровского на книгу Потебни интересна главным образом как яркое антимифологическое сочинение. Не случайно, что отдельные критические заметки П.А. Лавровского позднее неоднократно повторялись – как по отношению к другим, более поздним работам А.А. Потебни, так и по отношению к тем ученым, которые продолжили традиции А.А. Потебни в XX веке.

П.А. Лавровский упрекал своего ученика в личном произволе и в желании во что бы то ни стало идти дальше и дальше «в постройке системы»,⁵ подгоняя факты под заранее данную схему. Об одном из положений А.А. Потебни П.А. Лавровский замечает, что «...такой вывод обязан единственно наперед задуманной систематизации и тому увлечению, которое стремится к данной точке, не замечая, что находится направо и налево».⁶

Также заслуживает особого внимания итоговая оценка П.А. Лавровского и вот, что мы читаем: «Составляя отвлеченно или на подражание немцам и индийцам, идея служит для него (А.А. Потебни) надежнейшим руководителем и регулятором при обозрении разнообразных и перепутанных суеверий и обрядов славянских, из которых естественно выбирает он то, что подходит к предвзятой идее, и так чтобы не нарушалась образовавшаяся из нее картина. [...] При таком направлении, конечно, не трудно сложить самую живую и увлекательную систему мифологии, но она будет стоять вне науки, которая не перестанет идти своим путем, строгим и точным, хотя и более медленным, зато несомненно прочнейшим и сумеет добиться до итогов действительных, а не фантастических. Наука же эта твердит и теперь о том, как

⁵ Лавровский, П.А., Разбор исследований «О мифологическом значении некоторых поверий и обрядов; соч. А. Потебни» // *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1866, № 2, отд. V, 43.

⁶ Там же, 96.

опрометчиво и опасно восходить исключительно по современным подробностям в поверьях к первоначальным мифам».⁷

Критический разбор П.А. Лавровского побудил Александра Афанасьевича в дальнейшем более осторожно относиться к своим исследованиям и высказываниям. По свидетельству Н.Ф. Сумцова, он «признавал основательность некоторых уроков П.А. Лавровского и принял за другую диссертацию чисто лингвистического характера».⁸

Но возвратимся к книге А.А. Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий», в которой он – как мы уже упоминали выше – активно использует собрание сказок А.Н. Афанасьева и его статьи «Ведун и ведьма» и «Зооморфические божества у славян». Поэтому здесь А.А. Потебня ближе к А.Н. Афанасьеву, чем в каком-либо другом из своих сочинений. Например, и А.Н. Афанасьев, и А.А. Потебня анализируют духовный стих о Егории Храбром, и при этом и тот, и другой усматривают в лесе, горах и других элементах природного ландшафта лишь «разнообразные мифические представления грозных облаков».⁹

А.А. Потебня вступает со своим старшим современником в полемику по поводу интерпретации образов Бабы-Яги, Огненного змея и ведьмы.¹⁰ В частности, он оспаривает тезис А.Н. Афанасьева о том, что образы Огненного змея и ведьмы подверглись переосмыслению под влиянием христианства.¹¹ Однако сходство принципиальных позиций заметно даже тогда, когда А.А. Потебня полемизирует с А.Н. Афанасьевым.

Любопытно, что в некоторых вопросах А.А. Потебня даже выступал как более последовательный мифолог, чем А.Н. Афанасьев. Например, Афанасьев Бабу-Ягу ставит в один ряд с вещими женами и ведь-

⁷ Там же, 98.

⁸ Сумцов, Н.Ф., Выступление А.А. Потебни на ученом поприще и участие в этом деле М.С. Дрынова. // *Сборник статей по славяноведению, посвященный проф. М.С. Дрынову*. Харьков, 1904, 135.

⁹ Афанасьев, ук. соч., 699–703. И см. Потебня, А.А., *О мифическом значении некоторых обрядов и поверий*. М., 1865, 262–263. (Далее цитаты из Потебни подаются за этим изданием.)

¹⁰ Потебня, ук. соч., 130–131, 233, 274–277, 287–291.

¹¹ Там же, 277, 287.

мами, а А.А. Потебня считал ее «одной из верховных богинь» славянского языческого пантеона, а вовсе не «существом человеческим».¹²

Обоих ученых привлекают одни и те же проблемы и не случайно, что они используют аналогичные фольклорные тексты. Так, например, в «Поэтических воззрениях славян на природу» А.Н. Афанасьев приводит два варианта песни об олене-золотые рога из Московской и Саратовской губерний без указания источника.¹³ А.А. Потебня в книге «О мифическом значении...» также помещает эту песню в своей записи из Пензенской губернии.¹⁴ Если еще учесть, что А.А. Потебня и А.Н. Афанасьев в значительной степени опирались на одни и те же сборники фольклорных материалов, то не вызовут удивления и многочисленные переключки между «Поэтическими воззрениями славян на природу» и книгой «О мифическом значении...». Вообще эта книга была для А.Н. Афанасьева настоящей находкой, поскольку А.А. Потебня во время своей заграничной поездки пользовался некоторыми источниками на чешском и немецком языках, по-видимому, не доступными в Москве для А.Н. Афанасьева.

Можно с уверенностью утверждать, что в процессе написания «Поэтических воззрений славян на природу» А.Н. Афанасьев глубоко изучил работы Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1860), «О связи некоторых представлений в языке» (1864) и «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865). Многочисленные ссылки на них встречаются во всех трех томах «Поэтических воззрений славян на природу».

Ссылки на книгу А.А. Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии» А.Н. Афанасьев дает, указывая только фамилию автора: «Потебн.».

К сожалению, ссылки на книгу «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» и на статью «О связи некоторых представлений в языке» оформлены таким образом, что только хорошо осведомленный читатель догадается о том, что имеются в виду сочинения А.А. Потебни: А.Н. Афанасьев указывает выходные данные периодических изданий, в которых они напечатаны, но не называет фамилии

¹² Там же, 130–131.

¹³ Афанасьев, ук. соч., т. I, 638–639.

¹⁴ Потебня, ук. соч., 38.

автора. Например, ссылаясь на статью «О связи некоторых представлений в языке», А.Н. Афанасьев описывает источник следующим образом: «Филолог. зап., год 3, III».¹⁵

Аналогичным образом при ссылках на исследование А.А. Потебни «О мифическом значении» при описании источника указано только издание, в котором была опубликована книга «Чтения в Обществе истории и древностей российских», например: «Ч.О.И. и. Д. 1865, т. II, с. 82».¹⁶ Во втором томе «Поэтических воззрений славян на природу» А.Н. Афанасьев учитывает уже не только книгу А.А. Потебни, но и ее критический разбор, выполненный П.А. Лавровским.¹⁷ При работе над третьим томом «Поэтических воззрений славян на природу» А.Н. Афанасьев активно использовал работы А.А. Потебни, опубликованные в 1867 г., главным образом его статью «О доле и сродных с нею существах». Ссылки на эту статью даются с указанием издания, в котором она помещена, например: «Труды моск. археол. Общ., в. II, 181».¹⁸ Таким же образом, без указания автора, приводятся ссылки на две другие работы А.А. Потебни: «К статье А.Н. Афанасьева „Для археологии русского быта” и „О купальских огнях и сродных с ними представлениях”». Впрочем, в двух случаях при ссылках на статьи о доле и о купальских огнях названа и фамилия А.А. Потебни.¹⁹ Также можно заметить, что местами А.Н. Афанасьев почти буквально пересказывает своего младшего современника. Приведем лишь два примера. Например, у А.А. Потебни читаем: «У всех славян чеснок – необходимая принадлежность ужина накануне Рождества»,²⁰ а у А.Н. Афанасьева написано: «У всех славян он (чеснок) составляет необходимую принадлежность ужина накануне Рождества».²¹

Обращаясь к первой книге А.А. Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии», А.Н. Афанасьев привлекает семиологические и этимологические наблюдения харьковского ученого,

¹⁵ Афанасьев, ук. соч., т. I., 140, 302; т. II., 386, 479.

¹⁶ Там же, т. I., 237, 242, 383, 464, 485 и т.д.

¹⁷ Там же, т. II., 178; т. III., 588.

¹⁸ Там же, т. III, с. 115, 300, 390–391, 397, 406, 414.

¹⁹ Там же, т. III., 723, 800.

²⁰ Потебня, ук. соч., 305.

²¹ Афанасьев, ук. соч., т. II., 571.

берет у него тематические подборки славянской лексики. Впрочем, приводя те же лексические или фольклорно-этнографические материалы, что и Потебня, А.Н. Афанасьев подчас дает им иную интерпретацию. Например, оба ученых описывали южнославянские обряды вызывания дождя (додола, прпоруше), опираясь главным образом на словарь сербского языка и сборник песен В. Караджича. Интерпретация А.А. Потебни имеет лаконичный характер и, с точки зрения мифологической, вполне оправдана, а А.Н. Афанасьев на основе тех же данных дает обширную аллегорическую картину.

Благодаря тому, что множество наблюдений раннего А.А. Потебни было использовано А.Н. Афанасьевым, харьковский ученый оказался впоследствии в двойственном отношении к своим собственным текстам 1860-х годов, т.к. читателям они были известны главным образом по их пересказу в «Поэтических воззрениях славян на природу». Характерно, что в поздней книге «Объяснения малорусских и сродных народных песен» А.А. Потебня нередко дает двойную ссылку – на свои ранние работы и на соответствующие страницы «Поэтических воззрений славян на природу». Например, «в моем сочинении „О миф. знач. некр. обр.“ М., 1865, 21 (откуда – Аф. П. В. III, 748.)».²²

Особо интересная ситуация заключалась еще и в том, что со временем ученому приходилось полемизировать сразу и с «Поэтическими воззрениями славян на природу», и с самим же собой. Так, например, по поводу выражения «кликали плугу» А.А. Потебня пишет, что в книге 1865 г. оно было объяснено им «слишком поспешно», и прибавляет, не уточняя: «...то же у Аф. П. В. III, 748».²³

Принципиальная же полемика с А.Н. Афанасьевым содержится в поздних записях А.А. Потебни, опубликованных в книге «Из записок по теории словесности». В разделах «Миф и слово» и «Об участии языка в образовании мифов» Потебня учитывает и мнения других отечественных и зарубежных ученых – Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, Н.И. Кареева, А. Куна, М. Мюллера, Э.Б. Тайлора, Г. Штейнталя – однако основное внимание уделяет все же А.Н. Афанасьеву.

²² Потебня, А.А. *Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. I-II*. Варшава, 1883, 1887, т. I., 41.

²³ Там же, 45.

Хочется также отметить, что эти записи А.А. Потебни содержат принципиально важные положения о сущности мифического мышления, о соотношении мифа и поэзии, о влиянии языка на сложение мифов, причем во многих случаях не имеют прямых аналогов в других сочинениях А.А. Потебни и являются единственным источником, позволяющим судить о его взглядах.

Хотя А.А. Потебня делает многочисленные выписки из «Поэтических воззрений славян на природу», его исследование все же нельзя считать критическим анализом точки зрения А.Н. Афанасьева. А.А. Потебня скорее отталкивается от тезисов ученого для лучшего осмысления собственной позиции, чем анализирует их.

От критического рассмотрения высказываний А.Н. Афанасьева А.А. Потебня переходит к изложению собственных взглядов на соотношение мифа и поэтического образа, мифического и поэтического мышления. Он вносит принципиальное уточнение в саму постановку вопроса. «Миф принадлежит к области поэзии в обширном смысле этого слова», однако он отличен «от поэзии, понимаемой в тесном значении, позднейшем по времени появления».²⁴

²⁴ Потебня, А.А., Из записок по теории словесности. // *Поэзия о проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое*. Харьков, 1905, 586–587.